

A photograph of a blue wooden boat on a calm lake at dusk. The sky is filled with soft, grey clouds, and the water reflects the light. In the background, there are dark, silhouetted hills. The boat is in the foreground, with a wooden oar resting inside it. The overall mood is serene and contemplative.

РИНА КВИН

ДОБРОВОЛЬНОЕ
СТРАДАНИЕ

18+

Рина Квин
Добровольное страдание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39828828

SelfPub; 2018

Аннотация

Страдание или счастье? Как случайное знакомство способно определить выбор твоего пути?

Никто не должен был заподозрить меня в обмане, и потому я взял с собой только мобильный телефон и кредитную карту, с которой предварительно снял все наличные деньги. Пачки бумажных купюр едва помещались в мой кейс.

Сумку, куда бы я мог сложить приобретенные мной вещи, а именно: лэптоп, немного из одежды, средств гигиены, продовольствия и, разумеется, книги, – я прихватил из дома, надел очки, кепку и капюшон в надежде, что меня не узнают ни продавцы в магазинах, ни случайные прохожие, ни таксист, и отправился в новое жилье, купленное заранее, с расчетом на то, что вскоре мне удастся укрыться там.

Сим-карту и кредитку я ликвидировал сразу же по приезде на место. Паспорт и водительские права мне пришлось оставить в бардачке автомобиля, давно ушедшего под воду. Я не жалею о том, что сделал. В тот момент я располагал единственно верным, как мне казалось, решением сохранить все нетронутым и как можно более естественным. Я даже не стал заправлять кровать, как поступал по обыкновению, и убирать со стола в гостиной опустошенные бутылки из-под вина.

По прибытии в свой дом, что находился теперь далеко за городом и который окружала исключительно природа, какой ее изображают художники в лучших традициях русской живописи, я погрузился в созерцание.

Там, где я поселился, веяло свежестью и чистотой. В ста метрах напротив дома, представляющего собой сооружение

в виде миниатюрной избы, расстелилось озеро. Позади бревенчатой стены – опушка густого леса. Побережье водоема выстлано песком. Над прозрачной водой – пирс на винтовых сваях. На нем удили рыбу деревенские мужики, рассевшись в складных креслах и попивая горячительные напитки.

Несмотря на то, что мое жилище находилось в некоторой степени изоляции от других построек и людей, в частности, территорию берега все же приходилось делить с местными, теми, которые приходят сюда рыбачить и принимать холодные ванны. На улице как-никак осень и в среднем +15 С°. Правда, я редко выхожу на воздух, уткнувшись носом в монитор компьютера, и стараюсь осмыслить все то, что пишет обо мне пресса. Вернее, не обо мне, а о том, как я якобы умер. С того «чудовищного» момента минуло несколько недель.

«...Максим Шилонский, чье тело не было найдено на месте трагического происшествия, объявлен без вести пропавшим...»

«...Автомобиль, за рулем которого находился Максим Шилонский, слетел с трассы и упал в воду...»

«...Автомобиль, найденный сотрудниками правоохранительных органов на дне реки... принадлежит писателю и бизнесмену Максиму Шилонскому...»

Неужели я сделал все правильно и не допустил никаких ошибок? Как мне удалось заставить окружающее меня прежде общество слезоточить, а собственную семью уверо-

вать в мою гибель? Есть в этом что-то красивое, но вязкое, вероломное. Кажется, что притягивает, а в действительности – пожирает. Так бы я охарактеризовал свое представление о смерти. И вероятно, близкие разделили со мной участие в не запланированном для них заговоре. Они довольно быстро смогли смириться с утратой и тем самым помогли мне. Ожидал ли я от них чего-то другого? Ни секунды.

«Следственный комитет закрыл дело об исчезновении, признав Максима Шилонского погибшим...»

«Спустя три недели поисков семья скандально известного общественного деятеля объявила траур...»

Убежден, они даже не станут носить по мне траур, и весь ритуал скорби происходит лишь по причине страха нарушить тот самый ритуал в глазах христианской общности, которая не терпит святотатства. Фамилия нашей семьи, сколько себя помню, всегда имела статус публичности, а публичность зачастую ставит под удар моральную свободу. Там, где слишком много глаз, одновременно испепеляющих твое тело в попытке отыскать на нем все признаки несовершенства, не бывает полноценной свободы. Публичность подначивает тебя становиться глянцевым и неузнаваемым постфактум, полностью избавляет тебя от права совершать ошибки. Репутация, приобретенная однажды, не изглаживается из социальной памяти так легко, как хотелось бы. Особенно во времена цифровой эпохи. Веду к тому, что моя семья неслабо подвержена общественному настроению

и словно огня боится его. Носить траур по пропавшему без вести, но признанному усопшим сыну? Едва ли. Однако положение обязывает. Я не злюсь на них и не коплю обиды. Я давным-давно свыкся с мыслью о том, что любовь моих мамы и папы строится только на формальном долге любить родителями своего сына, но главное, демонстрировать эту любовь публике. В силу того, что я, к счастью, лишен романтических представлений о жизни, понимаю, любовь – это поступки, а не чувство, хотя на протяжении долгих лет моя семья упорно доказывала обратное, каждым своим действием она будто твердила мне: мы ненавидим тебя.

Казалось бы, кто я такой и что сделал? Никогда не боялся быть собой, вскрывать свою подлинную натуру прилюдно, обнажать ее изъяны, поступать соответственно личным соображениям и взглядам. И потому несовершенно или даже ущербным среди представителей собственной семьи был только я, и в том выражалась моя острая антипубличность.

Тем не менее я стал широко известен, мой успех нагрязнул, будто пушечный выстрел, оглушительно сокрушая и ослепляя. Я добился того, что ко мне прислушиваются, обрел статус человека, который имеет постоянную площадку для вещания с охватом в сотни тысяч зрителей и читателей. Кажется, я имел все, что принято считать успехом. Но подлинный успех лежит гораздо глубже. Успех – это способность человека жить согласно собственным ценностям и понятиям о том, что является истинно верным и полезным сугубо для

него самого. Иными словами, успех – штука субъективная. Деньги и популярность как мерило успеха доказывают лишь общую согласованность людей в том, что обозначает данный термин как таковой. Задумываясь о его наполнении, я пришел к выводу, что как нельзя равнять всех под одного, так и любое абстрактное определение не следует ограничивать мнением большинства. Большинство ошибается. А я никогда не сумею подстроиться под настроение толпы – лужи, собравшейся в водосточной канаве. Успех – это не то, сколько ты приобрел, а то, каким образом ты сумел распорядиться приобретенным.

«Я все желаю делать не так, как делал когда-либо, кроме того, чтобы также писать и также наслаждаться жизнью. Я даже не хочу любить по-старому, путешествовать с прежними целями и говорить привычными для каждого словами. Творить новизну. Пусть мир узрит то, чего не видел ранее. «Если изображение не шокирует, оно ничто» – вновь и вновь возвращаюсь к этой великой цитате. И всякий раз открываю в ней неведанные прежде смыслы. Главный из них – призыв наблюдателя к эмоции. Когда-нибудь я окончательно осмеюсь поступать исключительно так, как чувствую сам. Вне зависимости от того, как оно станет восприниматься окружающими. Эпатированная публика – самоцель одной из сторон моей многоликой природы», – однажды писал я в одном из первых своих публицистических эссе, датированных тринадцатью годами ранее, и спустя годы осознал, что все встре-

чаемое нами в жизни ведет нас к тому, чего мы поистине хотим. Но я не думал, что самое «желаемое» станет для меня обузой и отрежет путь к первоосновному – простому человеческому счастью. Будучи успешным, я не был полноценным. Я мог бы полюбить своих мать и отца, мог бы смириться с тем, что не вписываюсь в систему ценностей окружающего меня светского общества, мог бы сделаться послушным и покладистым, робким и молчаливым. Я мог бы. Да что-то пошло не так.

Помню себя жизнерадостным, опрометчиво открытым и активным ребенком. Я много смеялся. Наверно, ничто так не описывает характер человека, как то, что он любит смеяться. Смешливость – вообще одна из самых замечательных черт человека. Вот только некто придумал фразу: «Смех без причины – признак дурачины», и установка на почве последнего неслабо покорила мое восприятие действительности. Я начал относиться к жизни серьезно. А это, знаешь ли, существенная проблема.

И все, чего бы я хотел, – научиться смеяться заново. Это то же, что научиться жить заново, дышать заново, ходить заново. Искренность – это новизна. Когда ты не знаешь, как реагировать, ты отвечаешь искренностью. И я искренне не понимаю, как освободиться от того, что нависло надо мной. Значит ли это, что я не понимаю, как реагировать? Искренне смеяться? Увы, жизнь редко дает поводы для смеха. Мое детское жизнелюбие оказалось надломлено и не столько утратой

настоящих родителей, сколько приобретением искусственных.

Я вышел постоять у причала, не преследуя никакой цели. Морозный ветер, мчащийся ко мне навстречу со стороны горизонта, бил по открытым участкам моей кожи, обволакивал шею и будто стягивал ее колючей проволокой. А впереди, на другом берегу, поросшем камышом и кустарником, я наблюдал лицо охватившего меня вокруг леса. Оно строгое, с прямыми ветками-бровями и кустами-усищами, прямо как у того господина с густой растительностью на лице, что околачивался у моего дома несколько дней тому назад. Я заметил его в одном из окон. Подумал, что местный, что рыбак и что наверняка любопытен. Спустя полчаса таких походов он скрылся у меня из виду. И теперь сами деревья напоминают мне пышные усы этого незнакомца и четкие линии его бровей. Должно быть, он очень долго живет здесь.

Я стоял на ветру не первый час и не мерзнул. Вернее, я просто не чувствовал холода. Достаточно было взглянуть на мои пальцы: кожа покраснела, натянулась так, словно вот-вот потрескается или лопнет. Я озяб, но продолжал размышлять о бытии, находясь на ступени между сердечной черствостью и разумным прагматизмом, когда и то и другое практически одинаково.

Правда ли, что любимое занятие освобождает от озлобленности и скуки? Так ли на самом деле, что созерцание природы, которая не призвана дарить тебе счастье и успокое-

ние, лишает человека бездушности? Она и без того дала тебе самый максимум, предел, апогей своей живительной энергии – твою жизнь. Невыразимо жаль, что писательство только и держит меня на плаву, не освобождая при этом от фатальной апатии и неспособности воспринимать природу благословляющей, но благословенной. Хотя, впрочем, я торчал там слишком долго. Я мог бы написать что-нибудь дельное, полезное, а в итоге – вся моя обыденность лишь в пустом созерцании того, что никем не исповедимо.

Как хорошо, что я умер для тех, кто полагал мою природу ошибочной и никчемной. А ведь я так же непостижим, как и Он, мир, испытывающий тебя. Каждый непостижим, и каждый достоин радости быть созерцаемым – просто, ненавязчиво, с неукротимым желанием понять о тебе больше и глубже. Захотел ли кто-нибудь употребить свое время на то, чтобы разгадать меня? Вряд ли. Не то чтобы я столь загадочен и засекречен, я тотально одинок в своем стремлении принимать людей такими, какие они есть. И я, молодой мужчина тридцати двух лет, прирос к земле и не в силах сдвинуться с места. Не потому, что люблюсь ненаглядным, а затем, что пытаюсь сгладить в своем восприятии природы полный ворох ее несовершенств. И я боюсь, что останусь здесь навсегда, ибо палки с торчащими кверху петушиными гребешками и затянутое войлоком сизых туч небо не кажутся мне привлекательными. Однако верю: за всякой созданной природой деталью лежит инструкция по ее применению. Все

применимо к чему-то. И даже мое намерение уйти под воду этим утром было продиктовано какой-то неизъяснимой, но, безусловно, острой необходимостью. Мысли о самоубийстве – тоже винтик огромного механизма под названием я. Всего лишь я.

Намереваясь недолго постоять у причала, я остался там до наступления сумерек. Затем вернулся в дом, присел по обыкновению за рабочий стол и компьютер и решил написать послание. Кому? Поразительно – людям.

«Место, в котором я пребываю сейчас, по-видимому, еще не успело полностью исчерпать себя. Я рад. Просто рад тому, что могу находиться здесь чуточку дольше, чем планировал, и, вероятно, немного короче, чем ожидал. Такое место обычно называют домом – источником силы и вдохновения. Я не сумел обрести свой дом там, но отыскал его здесь, в этом забытом, почти что нетронутым уголке земного шара, где с каждым годом становится все меньше и меньше незапятнанного людьми.

Здесь я впервые смог вспомнить, как любил. Быть может, единственный, но самый честный и искренний раз в жизни я любил свою настоящую семью. Эти тревожащие меня воспоминания похожи на почерневшие от сажи угольки, раскаленные, но уже не пылающие. Облик моих настоящих родных, повторяю, настоящих, держится во мне прибитыми гвоздями на сердце, истекающем кровью. Оно болит мучительно, но терпит. Терпит так, словно только от его терпения и за-

висит жизнь моих мамы и папы. А живешь ты, как известно, до тех пор, пока о тебе помнят. Я помню. Жаль только, что мне не удалось сохранить, увековечить, пронести это удивительное ощущение внутри себя до настоящей секунды – удивительное ощущение любви, которое осталось лишь в моих фантомных воспоминаниях о родителях. Не верится, что когда-то мы были вместе.

Сейчас же я разрываю понятие «вместе» на две неравномерные части и называю себя той, одной из них, оторванной и брошенной на ветер. Пора бы задуматься о цельности себя вкуче с человеком, способным собрать твоё измельченное, раздробленное ментальное тело по кусочкам и возродить к новой жизни. Но существует ли такой человек?

Прожить до тридцати двух лет и полюбить лишь единожды – горько. Влюбиться один-единственный раз – стыдно. С определенного времени (не успел отследить, с какого именно) отсутствие «серьезных» увлечений в жизни стало порицаться обществом; тебя воспринимают неполноценным. Люди вообще опасаются одиночек, самодостаточных, с нордическим характером, с пулей в голове и считают, что настоящее чувство есть вспышка, и ему принято приписывать всякие романтические, идеалистические толкования. А я вижу, что проявление любви редет и истончается главным образом потому, что действовать во имя чьих-либо интересов, кроме своих собственных, становится чуждым человеку. Ведь любовь – это действие. Желание совершать те са-

мые действия всегда базируется на стремлении преобразить жизнь стоящего рядом, сделать ее лучше. Если же подобного душевного порыва не возникает, то и любви там взяться неоткуда. Так что пусть наши пути разойдутся, но неизменным останется истинно твой путь.

Я говорю так, потому что охота прибиться к стаду свойственна овцам или людям с острым инстинктом выживания. В толпе легче обезопаситься от нападения тех, кто привык жить поодиночке и не желает конкурировать с кем-либо еще, кроме самого себя. Так я оградился от всяческих притязаний со стороны общества и перенесся в совершенно иную область моих представлений о мире – на природу. Только первозданная чистота способна воскресить в нас чувство сопричастности к высшему, духовному Абсолюту, к тому, от чего вырастают крылья, – к любви. Но «любовь» в данном контексте понятие условное, так как то, что я называю любовью, уже изложено выше, и я не стану возвращаться к этому напрасно. Однако отмечу, что если любовь – это сумма слагаемых поступков, порожденных желанием украсить повседневность ближнего, то парящее, воздушное ощущение, испытываемое при полете, знаменуется следствием тех добрых дел, которые ты совершаешь якобы во имя любви.

Итак, поговорим о добре. Ему я придаю наибольшее значение, нежели чему-либо еще, и «любви» в том числе. Ведь, как выяснилось, добро – ее движимая сила. Правда ли, что быть добрым к каждому безраздельно – значит любить каж-

дого безраздельно? И степень этой любви будет измеряться лишь тем, на что ты готов пойти ради объекта своего воздыхания.

Когда я был ребенком, то мало что понимал по части человеческих отношений (если понимал вообще хоть что-то), но знал, родители точно любят меня. Безусловно и нежно. Я, как помню сейчас, тоже любил родителей. Вот только, когда они ушли из жизни, я остался. Будто бы смерть нарочно поменяла нас местами. Или папа и мама сами поменялись со мной. Они сделали это словно потому, что беззаветно любили и подспудно всегда были готовы пойти на столь смелый и самоотверженный шаг – отдать жизнь ради спасения собственного сына. Хотя какая глупость! Какая несуразица! Мои родители погибли в автокатастрофе. Им не был предоставлен выбор между тем, чтобы жить, и тем, чтобы умереть. В тот миг я находился рядом с ними, пристегнутый к заднему сиденью автомобиля, и тем не менее выжил. Выжил за тем, чтобы писать эти строки, чтобы пребывать здесь и сейчас. Звучит нелепо, не так ли? А иначе зачем? Сколько живу, столько не нахожу ответа. Лучше бы выжили они. Завели бы тогда другого сына, гораздо более достойного их памяти, чем я.

Воспоминания о родителях навевают на меня лишь светлую грусть. Нет. Я не бьюсь в истерике и не впадаю в депрессию. Как оказалось, я намного стрессоустойчивее, чем думал. И будучи девятилетним пацаном, не сильно переживал

по поводу утраты. Во всяком случае, внешне. Я начал переживать по мере взросления и осознания последствий всего того кошмара, с которым мне когда-то довелось столкнуться. Грусть моя светла, ибо взывает к тому, чтобы быть добрым. Странно, не находите? Быть добрым к каждому, кто встречается на моем пути. Словно бы таким способом души моих настоящих родителей стучатся в сей мир через меня и говорят моими личными поступками. Ведь я всегда старался оставаться добрым. Я пытался противиться чувству несправедливости, заедающему меня с того рокового дня, злобе и отвращению, какими я извечно терзался по отношению к приемным матери и отцу, и наконец, ледящей мое сердце холодности со стороны последних. И все равно слыл добрым малым просто потому, что необъяснимо глубоко жалел даже безжалостных ко мне.

Страшно непривычно говорить о себе в прошедшем времени, несмотря на то, что я тоже «умер», и надеюсь, моя приемная семья сейчас радуется за меня. Хотя бы раз в жизни. По-настоящему».

На окрестность опустился туман. Любимая женщина вышла замуж за моего друга. Их свадьба не заставила себя ждать, и заголовки новостей уже пестрят об этом. А ведь я умер совсем недавно. Могли бы для приличия повременить. Правда, к счастью, маниакальная болезнь под названием «страсть» уже угасла во мне по отношению к той, кого я, как полагал, любил. И теперь свободно и беспрепятственно

для самого себя люблюсь этими лучезарными улыбками на снимках, предвещающими как безудержную радость, так и великое разочарование. Пусть мой друг познает все прелести брака с женщиной, которая всегда требовала от мужчин больше, чем они могут ей дать. И я говорю не о себе, а о тех, кто был красив, богат, успешен, знаменит и тем не менее непреодолимо далек от нее. Да, вероятно, в числе последних оказался и я. Разница лишь в том, что меня она любила тоже. Впрочем, сейчас это не имеет ни малейшего значения. Она любила, но боялась того, что именно я был способен предложить ей, и потому, вероятно, выбрала наиболее удобный и менее взыскательный вариант. Рад ли я за них? Нисколько. К чему лукавить?

Завершив работу, я снова шагнул прочь из душного помещения дома навстречу освежающему, но ледящему озерному ветру, ибо начал чувствовать, как задыхаюсь. Мысли в буквальном смысле душат меня. Я порываю нити, сковывающие меня и мою прошлую жизнь – ее кильватерный след, и несусь вдогонку иллюзорному, обманчиво светлому будущему. Я подобрался к краю пристани и взглянул за него – прямо вниз, сквозь толщу воды я попытался рассмотреть дно, как пытаюсь порой исследовать собственную душу – с такой же настороженностью и страхом упасть. Однако я неотвратимо долго присматривался к столь увлекательному для моего меланхолического ума зрелищу – воде, непроглядные глубины которой таят в себе кучу секретов, но прежде всего неизвест-

ность. Именно она скрывается в недрах морской пучины, пугает и отталкивает. Ничто другое не способно производить такой же будоражащий воображение эффект, как столкновение с неведомым.

«Должно быть, там не слишком глубоко, – произнес я еле слышно, не поднимая головы, – но как жаль, что я умею плавать. Придется с тройной силой сдерживать себя от защитных реакций моего животного инстинкта. Наверняка я сделаю попытку всплыть на поверхность, но обязан решить заранее – подобный рефлекс не сработает, если я действительно пожелаю умереть. На сей раз – как следует».

– Эй, парень, что ты делаешь? – неожиданно с берега донесся мужской голос. – Прыгать собрался? Гляди, голову расшибешь.

Я мигом обернулся, слегка подкосив ноги в коленях, будто застигнутый на месте преступления, и увидел того самого любопытного господина с густыми усами.

– Отстань, мужик, – крикнул я ему, – не мешай.

– Ты топиться собрался, что ли?

– Да, – раздраженно и уже более тихо выпалил я.

– Не выйдет. Там слишком мелко. Надо подальше отплыть.

Я вновь обернулся, но теперь в недоумении.

– У меня есть лодка. Если хочешь, бери. Только якорь брось, чтоб не уплыла.

– Что, простите?

– Я говорю, лодка есть у меня, – крикнул мужчина.

– А вы кто такой?

– Рыбак. Местный я. Мы тут с женой живем. Люблю ловить рыбу на этой пристани. Раз уж на то пошло – приходи, карпом угощу. Во-от такого, – незнакомец начал жестикулировать, изображая размер улова, – поймал недавно.

Я грозно промолчал.

– А, так ты ж топиться собрался. Ну да. Тогда не отведаешь. А жена моя готовит отменно, между прочим. Глупо с твоей стороны упускать столь завидное предложение.

– Значит, я могу взять вашу лодку? – процедил я сквозь зубы.

– Да, бери.

– Я возьму.

– Бери-бери.

– Отплыву вон за тот буюк. Там должно быть глубоко.

– Как считаешь нужным.

– И спрыгну.

– Ну что ж.

– И конец.

Мужчина безнадежно пожал плечами.

– Вы что, не собираетесь меня отговаривать?

– А кто я такой, чтобы решать чью-то судьбу?

– И вы даже не попытались бы меня спасти?

– Если бы ты тонул не по своей воле, попытался бы.

Незнакомец подошел ко мне ближе и представился, про-

тягивая свою большую ладонь с крупными, будто слегка вздутыми пальцами, изборожденными морщинами. Я ответил ему на рукопожатие, но в ответ промолчал, не в силах придумать ничего, кроме правды, которую нельзя было разглашать. Радует одно: он не узнал меня. Да и вряд ли узнает. В деревне туго с Интернетом, да и на лицо очевидно, мужчина уже в преклонном возрасте. Я пристально осмотрел его.

Борис (так звали рыбака) произвел на меня странное, усыпляющее бдительность впечатление. Мне казалось, что он беспредельно добрый и прямодушный человек, который и не думал спасать меня, а сделал это благодаря своей наивной непосредственности. Вернее, он лишь отсрочил день моей кончины, но почему я вдруг решил умереть взаправду? Потому что понял, что всем плевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.